

Научно-исследовательская статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.5

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И. М. СЕЧЕНОВА КАК КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ П. Д. ЮРКЕВИЧА НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Черных А. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Россия,

deusdrus@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия,

st086103@student.spbu.ru

Аннотация. Деятельность И. М. Сеченова рассмотрена как один из ключевых эпизодов в дискуссии об антропологическом принципе, которая была вызвана статьей Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Показано, что, солидаризируясь с точкой зрения Н. Г. Чернышевского о материальном единстве мира и единстве человеческой природы, И. М. Сеченов выступает против взглядов П. Д. Юркевича. Отмечено, что в основании дискуссии об антропологическом принципе лежит разница между монистической и дуалистической гносеологией. Опираясь на монистическую гносеологию, И. М. Сеченов разрабатывает психофизиологию как науку, которая способна разрешить психофизическую проблему дуализма души и тела. С позиции науки XIX века И. М. Сеченов оспаривает ключевые положения гносеологического дуализма.

Ключевые слова: рефлекс, психофизиология, гносеология, материализм, идеализм, монизм, дуализм, антропологический принцип

Для цитирования: Черных А. А. Психофизиология И. М. Сеченова как критика взглядов П. Д. Юркевича на антропологический принцип // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1 (49). С. 57–73. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.5

Scientific research article

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.5

PSYCHOPHYSIOLOGY OF I. M. SECHENOV AS A CRITIQUE OF P. D. YURKEVICH'S VIEWS ON THE ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLE

Andrey A. Chernykh

St. Petersburg State University of Economics,

St. Petersburg, Russia,

deusdrus@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia,

st086103@student.spbu.ru

Abstract. I. M. Sechenov's activity is considered as one of the key episodes in the discussion of the anthropological principle, which was caused by N. G. Chernyshevsky's article *The Anthropological Principle in Philosophy*. It is shown that solidarising with N. G. Chernyshevsky's point of view on the material unity of the world and the unity of human nature, I. M. Sechenov opposes P. D. Yurkevich's views. It is noted that the basis of the discussion of the anthropological principle is the difference between monistic and dualistic epistemology. Relying on monistic gnoseology, I. M. Sechenov develops psychophysiology as a science capable of solving the psychophysical problem of soul-body dualism. From the position of 19th century science, I. M. Sechenov challenged the key provisions of gnoseological dualism.

Keywords: reflex, psychophysiology, gnoseology, materialism, idealism, monism, dualism, anthropological principle

For citation: Chernykh, A. A. (2024). Psychophysiology of I. M. Sechenov as a critique of P. D. Yurkevich's views on the anthropological principle. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (49), 57–73. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.5>

Введение

Работа Чернышевского «Антропологический принцип в философии» стала поводом для дискуссии о природе человека и морали. Редактор «Современника» обосновывал философские положения антропологического материализма, основными из которых являются следующие: 1) человек представляет собой единое целое, поэтому должен мыслиться монистически, а не дуалистически; 2) материальный мир является не одним из миров, а единственным, причем существующим по естественно-научным законам. Из этих тезисов следует, что бытие устроено сообразно с монистическим принципом, в то время как дуализм с необходимостью приводит к противоречивым выводам.

С Чернышевским были не согласны многие мыслители XIX века, в том числе П. Д. Юркевич. Он написал статью «Из науки о человеческом духе», направленную

на критику антропологического материализма. Но у теории Чернышевского были и защитники, например основатель психофизиологии И. М. Сеченов.

Известно, что работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» имеет большое философское значение [Будилова, 1980; Капустина, 2015; Коштоянц, 1942; Миронов, 2008; Шатерникова, 2022]. Известно также, что его идеи и открытия имеют тесную связь с философией Чернышевского и его школы. Причем знаменитая работа «Рефлексы головного мозга» была написана в поддержку точки зрения Н. Г. Чернышевского в дискуссии об антропологическом принципе. В связи с этим уместно взглянуть на труд Сеченова как на ответ главному критику Чернышевского — П. Д. Юркевичу.

Статья Чернышевского подтолкнула Сеченова к исследованию психофизической проблемы. Работа «Рефлексы головного мозга» изначально имела название «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы» и планировалась для публикации в «Современнике» № 10 за 1863 год.

Учитывая репутацию «Современника» и актуальность философской полемики в начале 1860-х годов, назвать выбор журнала случайностью не получится. Сеченов явно солидаризировался с воззрениями Чернышевского, который в это время был заключен в Алексеевском рavelине в Петропавловской крепости. Изначальное название работы также свидетельствует о материалистическом взгляде ученого, так как сведение психики к физиологии означает отрицание основ идеализма.

Не удивительно, что цензура не позволила напечатать статью в «Современнике» и также заставила автора изменить явно материалистическое название на более нейтральное. В результате «Рефлексы головного мозга» были опубликованы в узкоспециализированной газете «Медицинский вестник».

Методология исследования

Исследование проведено с опорой на классификацию философских систем в рамках парадигм «идеализм – материализм» и «дуализм – монизм». Подразумевается, что онтология и теория познания составляют фундамент любой философской системы. Соответственно, взгляды того или иного мыслителя в сфере философской антропологии, этики и прочих разделов философии рассматриваются через призму того, к чему он склоняется в основных разделах философии: к дуализму или к монизму, к идеализму или к материализму.

Результаты исследования

В «Рефлексах» Сеченов ставит перед собой задачу объяснить деятельность человека «с идеально сильной волей» [Сеченов, 2022, с. 64] при помощи схемы

рефлекса, представленной в главе о невольных движениях. Ученый стремится доказать два основных положения: 1) произвольные движения протекают по трехчастной схеме рефлекса, среднее звено которой составляет психический акт; 2) при прочих равных условиях одно и то же возбуждение нервов вызывает одно и то же действие.

В преддверии развернутого обоснования своей гипотезы ученый предлагает восемь тезисов, которые далее подвергаются критическому разбору. Для произвольных движений человека с идеально сильной волей как бы предполагается следующее: 1) отсутствие заметного чувственного возбуждения; 2) побуждение к действию лежит в возвышенных (психических) мотивах; 3) способность контролировать внешние движения в пределах от полного угнетения до ограниченного усиления; 4) воля обладает умением контролировать время осуществления внешнего движения; 5) воля также способна подчинить себе продолжительность внешнего движения; 6) произвольные движения обусловлены только психическими побуждениями; 7) над группированием произвольных движений тоже стоит воля; 8) произвольные движения сознательны.

Иными словами, в данных тезисах выражено предположение, что человеческая воля находится вне власти внешних воздействий и причин, а все ее мотивы лежат исключительно в ней самой. Такое мнение о воле и действиях человека, по словам Сеченова, было широко распространено в обществе второй трети XIX века. Насколько мы можем с прискорбием заметить, такой же взгляд распространен среди людей и в первой четверти XXI века. Мировоззрение, согласно которому деятельность воли лежит вне причинно-следственной связи, представляет собой одну из форм идеализма. В «Рефлексах» Сеченов предпринял попытку научно опровергнуть такое понимание воли, противопоставляя ему материализм, близкий взглядам школы Чернышевского.

Пытаясь оспорить эти взгляды и обосновать во многом противоположное мировоззрение, Юркевич большое внимание уделяет теме психологии, которая непосредственно связана с психофизической проблемой и антропологическим принципом.

Юркевич считает, что психология как наука о духе принципиально отличается от физиологии потому, что дух как предмет изучения «предлежит человеческому наблюдению не в такой удобной и доступной форме, как предметы мира физического» [Юркевич, 2015, с. 3]. Если ученый изучает внешние явления, то он, по мысли Юркевича, удовлетворяется восприятием внешнего мира, представленного в виде феноменов. Если же ученый исследует душу, дух, то перед ним стоит более сложная задача. Для изучения души или духа необходимо обратиться к своей внутренней жизни, так как предмет исследования «не представляется как вещь, на которую можно указать, душа не открывается <...> наблюдению в готовом и неподвижном образе вещи» [Юркевич, 2015, с. 3]. Деятельность души скрыта и не проявляет себя во внешнем мире, а для изучения чего-либо необходимо, чтобы что-то *являлось*, а душа не *является*.

Юркевич обозначает два направления в понимании душевных явлений: 1) то, которое пренебрегает внутренним опытом и концентрируется только на внешней эмпирии; 2) то, которое признает научное значение внутреннего опыта. Надо заметить, что первое направление, строго говоря, встречается только в виде абстрагирования одних проявлений сущности от других ее проявлений (например, физиология как абстрактный, т. е. односторонний, взгляд на сложный психофизиологический комплекс явлений). Соответственно, Сеченов под этот пункт не подпадает, но еще дальше он стоит от второго пункта. Юркевич же явным образом соотносится со вторым направлением, так как тяготеет к методу интроспекции (самонаблюдение, изучение Я самим собой), а физиологии совершенно отказывает в понимании природы психической жизни. Юркевич настаивает на том, что у физиологии, на которую возлагает большие надежды Чернышевский, и у психологии источники «материала» заключаются в таких областях, которые доступны только им. То есть тесное сотрудничество между физиологией и психологией, по Юркевичу, невозможно.

Главный вопрос статьи «Из науки о человеческом духе» Юркевич формулирует так: «Может ли теория, которая видит в душевных явлениях простое видоизменение явлений органической жизни, удовлетворять научным требованиям» [Юркевич, 2015, с. 8]. Вопрос риторический, а потому в нем уже звучит ответ.

Из сказанного видно, что Юркевич решает психофизическую проблему (или формулирует свой антропологический принцип) при помощи гносеологического дуализма, различая его с дуализмом в «метафизике» (онтологии). И хотя Юркевич критикует «метафизический» дуализм, не случайно он говорит о том, что «психология», в отличие от естественных наук, не должна отказываться от «метафизики». По Юркевичу, если в сфере изучения материальной жизни возможен отказ от метафизики в пользу эмпирии, то в сфере изучения духа метафизику следует сохранить.

Чернышевский ставит «нравственные науки» в подчинение к естественным, в то время как Юркевич принципиально разделяет их. Критикуя взгляды Чернышевского, Юркевич приравнивает его к философам типа Давида Юма. На этом основании вся критика Чернышевского Юркевичем сводится к разбору собственно не антропологического материализма, а философии крайнего эмпиризма. Но Чернышевский крайним эмпириком на манер Юма не был, также не был он и позитивистом. Поэтому и «метафизику» не стремился убрать из философии и даже из психологии. Другими словами, Юркевич вульгаризирует взгляды Чернышевского, возводя их в крайность, которая действительным воззрениям Чернышевского просто не соответствует. Точно так же не соответствуют эмпиризму и позитивизму идеи Сеченова.

Доводя мысль Чернышевского до крайности (если не до абсурда), Юркевич и сам впадает в противоположную крайность. Критикуя Чернышевского за отождествление движения нерва и интеллектуального акта, Юркевич пишет, что «движение нерва никак не начинает быть ощущением» [Юркевич, 2015, с. 15].

Для Юркевича «ощущение» представляет собой не физическое восприятие внешнего мира, а душевный процесс. Тогда получается, что для психологии совершенно бесполезно изучение эмпирических данных, а совпадение внешней и внутренней жизни человека есть *исключительно совпадение*. Но при этом ранее Юркевич утверждал, что эмпирическое познание все-таки нельзя совсем отбросить в сторону.

Юркевич в контексте разговора о природе нравственных и интеллектуальных явлений выдвинул Чернышевскому такое требование, которое следовало бы адресовать естествоиспытателям: «...показывать, из каких химических солей или кислот происходят или образуются эти явления» [Юркевич, 2015, с. 34]. Налицо явное упрощение химического изменения веществ. Чернышевский постоянно говорит о сложности химических процессов, происходящих в человеческом организме и тем более в мозгу, а Юркевич пытается низвести эту сложность до уровня простой химической формулы.

Также примечательно, что именно то описание мышления, в котором Чернышевский оказывается близок со взглядами Э. В. Ильенкова, Юркевич выносит в качестве примера ошибочного высказывания. По мнению Юркевича, Чернышевский «не имеет никакого ясного и определенного понятия о мышлении. “Мышление, — говорит он, — состоит в том, чтобы из разных комбинаций, ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, избирать такие, которые соответствуют потребностям мыслящего организма в данную минуту...”» [Юркевич, 2015, с. 54]. Юркевич даже приравнивает такое мышление к сумасшествию.

Юркевич по-своему понимает теорию разумного эгоизма, которую Чернышевский изложил в «Антропологическом принципе в философии». Так, не различая разные ступени развития эгоизма, Юркевич заключает, что в «Антропологическом принципе в философии» описана такая нравственная высота, которой эгоисты достичь не могут: «...подняться на эту высоту вы не можете. Сочинитель доказывает вам, “что все люди эгоисты”» [Юркевич, 2015, с. 76]. Однако, с точки зрения Чернышевского, *именно поэтому* человек и может достичь такой нравственной высоты. Именно человеческий эгоизм представляет собой причину, следствием которой является то, что в обыденном языке называется альтруизмом.

Далее Юркевич пишет, что «сочинителю хотелось бы, чтобы мы выключили из нашей деятельности наше я, <...> ему хотелось бы, чтобы мы выключили из нашей жизни наши радости и страдания, <...> только под этими условиями он был бы готов признать эту деятельность и эту жизнь неэгоистической. <...> требование ригористической морали невыполнимо» [Юркевич, 2015, с. 85]. Действительно, изъять из человеческой деятельности все человеческое невозможно. Но Чернышевский не хочет этого, он не требует от человека перестать быть эгоистом, а лишь констатирует, что человек по природе эгоист: в этом «сочинитель» не видит ни добра, ни зла, только данность. Юркевич в результате своей интерпретации теории разумного эгоизма пришел

к выводу, что «ригористическая мораль» что-то требует от человека. Однако в самой теории этого не наблюдается.

В одном из своих замечаний к Чернышевскому Юркевич адекватно и лаконично высказывает суть онтологии Чернышевского, хотя пытается обличить «сочинителя»: «Впрочем, теория, которой держится сочинитель, должна объяснять и происхождение мира единственно из обстоятельств» [Юркевич, 2015, с. 63]. Но далее рецензент делает вывод, который Чернышевский едва ли мог подтвердить: «...обстоятельства сходятся на пустом месте и рождают так называемую душу» [Юркевич, 2015, с. 63]. Юркевич явно указывает на случайность таких условий, с чем редактор «Современника» не мог бы согласиться, так как отстаивал принцип детерминизма. Позднее Сеченов на примере развития ребенка покажет, что обстоятельства — это не божества, которые творят *ex nihilo* (как это пытается представить Юркевич), а результат взаимодействия предметов и явлений материального мира.

Задумав написать сочинение о рефлексах головного мозга, Сеченов собиравался не просто опубликовать результаты своей научно-исследовательской работы, но также хотел показать, что происхождение психических явлений возможно свести (не в смысле редукции, а в смысле объяснения) к физиологии, а именно к механизму непроизвольного рефлекса. Иными словами, Сеченов хотел, с одной стороны, обосновать философские положения теории Чернышевского при помощи своих научных психофизиологических изысканий, а с другой стороны, опровергнуть взгляд Юркевича и их сторонников на природу человека и его психики.

Сеченов, научно обосновывая общий ему и Чернышевскому взгляд на антропологический принцип, прослеживает развитие рефлекторной деятельности ребенка от момента рождения, а также процесс возникновения первых психических актов из этой деятельности. Изначально новорожденный не умеет смотреть, слушать, нюхать и осязать. Для осуществления этих простейших действий ему необходимо производить определенные *мышечные движения*, которые помогают настроить органы чувств.

Так, ребенок старается удерживать взгляд на том, что ему приятно видеть. В результате многократных упражнений он выучивается не просто блуждать взглядом в пространстве, а смотреть на конкретные предметы. На основе этого развивается *внимание*, т. е. способность восприятия выбранных предметов отчетливо, складывается ясное ощущение вещей. Из этого развивается далее такой психический акт, как *представление*. Причем подчеркивается, что развитие представления протекает без вмешательства воли.

Далее ребенок при помощи зрительного навыка начинает *ассоциировать ощущения* посредством глазного нерва с осязанием и мышечным чувством. Эти последние не так ярко ощущаются, как зрительное возбуждение, но акт смотрения способствует их развитию. В поле зрения ребенка оказывается его рука, которой он совершает какие-либо действия (*мышечное чувство*). Также он видит внешние предметы, с которыми взаимодействует при помощи руки (*осязание*).

В дальнейшем развивается *зрительно-слуховая ассоциация*. Слуховое внимание, т. е. *прислушивание*, представляет собой, как и акт смотрения, заученное невольное движение. Ребенок стремится подражать внешним воздействиям, а потому в результате того, что слышит чужую речь, тоже начинает издавать звуки при помощи мышц языка, гортани, губ и пр. Оттачивая свое мастерство управления речевым аппаратом, ребенок научается не лепетать, а *произносить осмысленные слова*. Это обстоятельство Сеченов связывает с ассоциацией впечатлений от зрения и слуха, в результате которой визуальный образ некоторых предметов или движения губ связывается в сознании ребенка с определенными звуками.

Сеченов пишет, что «заученный последовательный ряд рефлексов ведет к очень полному представлению предмета, *к знанию в элементарной форме*» [Сеченов, 2022, с. 72]. То есть познание сводится к сопоставлению впечатлений, полученных от различных органов чувств. В результате простейшей, т. е. непосредственной формы познания ребенок уже имеет *понятие о пространстве*. Примечательно, что в произвольных движениях элементарные знания о предметах соответствуют центральному звену отражательного аппарата.

Важно подчеркнуть, что ребенок уже в начале своего развития относится к внешней действительности не пассивно, а активно. То есть не только окружающий мир воздействует на органы чувств ребенка, но и этот последний стремится к более точному и достоверному восприятию мира. Это обстоятельство приобретает особое значение, если учесть, что для поддержания работоспособности нервов и мышц необходима постоянная тренировка последних. Таким образом, тягу к активному восприятию Сеченов справедливо относит к рефлексам.

Следующая ступень развития заключается в способности производить *анализ и синтез*. Увиденное воспринимается и как цельное, и как часть дискретного целого. Эта возможность лежит в материальной организации глаза. На сетчатой оболочке глаза расположены зрительные сферы, которые распределены неравномерно: чем ближе к зрительной оси, тем выше концентрация этих сфер. Соответственно, наибольшая четкость изображения будет достигаться в точке, через которую проходит ось. Кроме того, зрительные сферы не сообщаются между собой, а поэтому человек может видеть как цельную картину, представленную перед его взором, так и отдельно детали увиденного. Принцип этого аналитико-синтетического восприятия можно заметить, посмотрев сначала на данный абзац как бы целиком, а потом переведя внимание на отдельное слово или символ.

Анализирующая способность глаза позволяет человеку воспринимать внешние предметы как делимые и различные по величине. Также зрительный анализ кладет начало для представления о движении. Но, строго говоря, лишь в зрительном представлении не хватает восприятия времени, чтобы сформировать идею движения.

Подобно глазу, осязающая поверхность тела тоже поделена на осязающие сферы. От их концентрации, т. е. от расстояния друг от друга, зависит то,

насколько восприятие будет подробно. Логично, что и развиваться осязательные анализ и синтез будут по аналогии со зрительными.

Эти и многие последующие физиологические тонкости показывают, что, с одной стороны, человеческое познание обусловлено органами чувств и, следовательно, ограничено ими; с другой же стороны, познание при всем его несовершенстве нацелено на действительные вещи, а не на иллюзии или явления. Иными словами, следует признать, что так называемая естественная установка научно обоснована еще в XIX веке, а факт ограниченности путей познания обуславливает только степень сложности в достижении истины об объективной действительности.

Способность слуха к анализу интересна тем, что посредством него создается основание для восприятия такого измерения, как время. Звук ощущается как нечто тянущееся, в силу чего «слух есть анализатор времени» [Сеченов, 2022, с. 78].

Мышечное чувство способствует восприятию как времени, так и пространства. Однако, пишет Сеченов, без зрения, слуха и упражнения мышц это было бы невозможно, так как само по себе мышечное чувство слишком слабо.

О восприятии вкуса и запаха ученый говорит крайне мало и не отдает им решающей роли в развитии нервной деятельности, поэтому мы их не упоминаем. Кроме того, эти аспекты психофизиологии имеют посредственное отношение к философским вопросам.

Другими словами, в развитии психики наиболее важными представляются зрение, слух, мышечное чувство и осязание. Если исходить из того, в каком порядке Сеченов изложил историю развития ребенка в первые дни жизни, то можно сказать, что зрение и мышечное чувство имеют первостепенное значение. Выдвигая такое предположение, мы, разумеется, не хотим сказать, будто слух и осязание неважны для развития психики и мышления. Ведь очевидно, что язык, тесно связанный с мыслительным процессом, развивается в первую очередь под влиянием слуховых ощущений. К тому же количество психических актов увеличивается благодаря большому числу различных ощущений и, следовательно, ассоциаций.

Далее Сеченов затрагивает тему *дисассоциации* ощущений, т. е. говорит о рефлексах в чистом, а не в комплексном виде. С практической точки зрения их значение сводится к выученному преобладанию одного рефлекса или ощущения над другим, причем иногда это сопровождается активным действием по угнетению одного из рефлексов ассоциации. К примеру, когда человек закрывает глаза, ощупывая предмет или прислушиваясь к звуку, он дисассоциирует свои ощущения ради большей эффективности осязания или слуха. Также известно, что в светлое время преобладает зрительное чувство, а в темное — мышечные ощущения. Иными словами, условием дисассоциации является преобладание силы одного рефлекса ассоциации над другим.

Следует отметить, что зрительное ощущение по своему характеру скорее объективно, так как направлено на действительный мир, который человек

воспринимает в качестве внешнего, несмотря на то обстоятельство, что ощущение протекает в глазном нерве, а не в видимом предмете. В то же время мышечное чувство по своей сути субъективно, потому как ощущается и действительно имеет место в теле воспринимающего субъекта. Это важно иметь в виду при рассмотрении вопросов об отношении между познающим субъектом и объективной действительностью.

Но непосредственное значение дизассоциации ощущений заключается в том, что субъективное отделяется в человеке от объективного. Таким образом, «человек встречается впервые сам с собою» [Сеченов, 2022, с. 82], т. е. ему открываются *самоощущение* и *самосознание*. Анализ ощущений помогает человеку понять, какие из них протекают в его собственном теле, а какие — лишь отражение внешнего мира.

Заметим, что анализ также способствует формированию понятий: к примеру, о времени человек обретает понятие в результате умственного отделения слуховых и мышечных ощущений от тягучести соответствующих процессов.

Многогранное развитие нервной системы посредством неоднократного повторения рефлексов приводит к тому, что человек начинает «думать образами, словами и другими ощущениями, не имеющими никакой прямой связи с тем, что в это время действует на его органы чувств» [Сеченов, 2022, с. 86]. Причем такая возможность лежит в наличии предшествующего опыта восприятия. Способность к мысленному повторению впечатлений есть *воспроизводящая ощущения способность*. Последняя способность возможна благодаря тому, что по удалению возбудителя ощущение не исчезает, а сохраняется в скрытом, неявном виде. Это психическое явление мы называем *памятью*. Именно способность запоминать, т. е. связывать между собой все испытанные ощущения и рефлексы, делает человека мыслящим существом. Насколько мы видим, процесс мышления представляет собой дальнейшую череду рефлексов (отражений), но протекающих преимущественно во внутреннем мире человека.

Возобновление прежнего ощущения пробуждает более ранний опыт этого же рефлекса. Чем чаще повторяется одно и то же ощущение, тем ярче оно отпечатывается в памяти и тем прочнее удерживается в ней. Соответственно, наиболее отчетливое ощущение лучше запоминается, и тем оно яснее, чем недавнее было получено или возобновлено. Память возможна только о действительных вещах и явлениях, причем в соответствующих им формах. Иными словами, мы воспринимаем и запоминаем то, что есть, и так, как оно есть, потому что «ощущение задерживается именно в реальной форме» [Сеченов, 2022, с. 90].

Запоминание возможно благодаря тому, что однородные (т. е. сходные) ощущения не просто повторяются из раза в раз, но также связываются между собой в один след. Этот механизм скрыт для самосознания, так как человек не мог бы в явном виде испытывать все те ощущения, которые он получил в течение жизни.

«Память зрительную и чисто-осязательную можно назвать пространственной. Слуховую же и мышечную — памятью времени» [Сеченов, 2022, с. 92]. Пространство и время Сеченов называет дробными частями конкретных ощущений, так как они сформированы в результате анализа, т. е. абстракции.

Важно, что воспоминание об ассоциации осуществляется даже при «намеке» на ее часть. Так, если человек услышит звук колокола, то вспомнит зрительно-слуховую ассоциацию, т. е. с реальным звуком в его сознании возникнет визуальный образ колокола, хотя реального колокола перед его глазами нет. Другими словами, и ощущение (рефлекс), и воспоминание об ощущении (психическое образование) приводят в действие рефлекторный механизм — с тем отличием, что воспоминание зачастую оказывает более слабый эффект, чем непосредственное ощущение.

Сеченов подчеркивает, что акт рефлекса понимается в сознании как нечто целое, но способность анализировать ощущения приводит к тому, что звенья рефлекса познаются субъектом и как отдельные элементы. Как результат, движения становятся зависимыми не только от внешних раздражений, но и от представлений, а это подводит нас к теме мышления.

Также важен вывод, что психические акты протекают в соответствии с механизмом рефлекса, а следующие за ними сознательные движения хотя и называются произвольными, но суть все же отраженные. Таким образом, произвольные движения вопреки *самообману* оказываются всего лишь следствием внешних раздражений.

К примеру, в ассоциациях одно из ощущений может быть слабо, а потому неявно для сознания, но при «намеке» на это едва заметное впечатление воспроизводится и вся ассоциация. Человеку в такой ситуации кажется, что его движение произвольно.

Сеченов выдвигает гипотезу, согласно которой «головной мозг человека заключает в себе механизмы, задерживающие мышечные движения» [Сеченов, 2022, с. 99]. Причем навык подавления или угнетения рефлекса по аналогии с движениями необходимо выучивать путем многократных повторений.

Развитие этой способности наблюдается уже в развитии ребенка, который в начале жизни крайне чувствителен к внешним раздражителям и на возбудители реагирует чуть ли не всем телом. Со временем движения группируются и за счет этого становятся более ограниченными. Этому способствует *задерживающий механизм*.

В контексте дальнейшего развития задерживающего механизма Сеченов связывает работу последнего с моральным воспитанием. Противопоставление моральному поведению чувства страха перед наказанием приводит к морали «запуганных людей». Как мы видим, это неэффективно, так как в результате такого воспитания нравственные установки человека будут определяться преимущественно уклонением от наказания. Этой порочной практике ученый противопоставляет иную этику: в основу действий должна быть положена *моральность мотива*.

Способность задерживать движения, т. е. рефлекс, развивается также путем рефлекса. Так, Сеченов приводит в пример крестьян и господ: у первых «грубость» нервов выше, чем у последних. Это обстоятельство обусловлено регулярной практикой каждой социальной группы: господа не испытывают тех физических тягот, которые ложатся на плечи людей труда. То же справедливо и для примера с дворнягами и домашними собаками, одни из которых научаются задерживать движение, которое должно следовать за чувством боли, а другие его почти никогда не испытывают, а потому реагируют на него гораздо ярче.

После возбуждения нервов импульс следует в отражающий центр, а оттуда должен последовать в двигательные нервы и вызвать движение, но последнего не происходит в том случае, если третье звено рефлекса задерживается. Однако сам рефлекторный процесс оказывается запущен, даже если и не завершен: внешний раздражитель уже вызвал психический акт. Так возникает *умение мыслить, думать, рассуждать*. Акт размышления представляет собой связку из представлений и понятий, которая не выражается внешними действиями. «Мысль есть первые две трети психического рефлекса» [Сеченов, 2022, с. 103].

Так как мышление часто связывается с речью, следует уточнить, что акт произнесения слов представляет собой движение, т. е. завершенный рефлекс (мышечно-слуховая ассоциация). Из этого, разумеется, не следует, будто произнесенная мысль перестает быть мыслью. Речевой акт является не столько логическим завершением мышления, сколько способом выражения мысли, которая возникла благодаря внешним возбудителям. Сеченов пишет, что «мысль есть воспроизведение действительности» [Сеченов, 2022, с. 104].

Мысль субъективна, несмотря на свое объективное происхождение. Из этого следует, что мысленные образы, полученные из ощущений действительных предметов, по ясности представления уступают своим реальным эквивалентам.

Сеченов пишет, что один «раз вслед за мыслью является поступок, другой раз движение задерживается и акт останавливается (по-видимому) на мысли, наконец, третий раз под влиянием той же мысли является поступок, отличный от первого» [Сеченов, 2022, с. 105]. В результате мысль отделяется в сознании от действия. На этой почве *самосознание* приводит человека к *самообману*: мысль начинает пониматься как первопричина поступка. Однако из рассмотрения невольных и произвольных движений становится очевидно, что первая причина любого действия всегда лежит во внешнем возбуждении.

Но «голос самосознания» идет дальше. Человек не только думает о мысли как о причине, но и полагает, что при прочих равных условиях из одного возбудителя и одного психического акта может последовать некоторое количество возможных действий, между которыми человек выбирает, как если бы обладал свободой воли.

Психические рефлексы с усиленным движением Сеченов относит к сфере *страстей*. Сеченов проводит различие между страстностью в ребенке и во взрослом: для первого объекты желаний изначально воплощены в предметах и только

со временем перерастают в отвлеченные понятия, а для второго желания уже приобрели условно нематериальную форму. Это имеет большое значение в воспитании. Так, если ребенок любит рыцарей, то сначала он восхищается красотой их доспехов, а потом переносит любовь и на такие свойства сказочного рыцаря, как доблесть, отвага и прочее. В дальнейшем в процессе анализа визуальный образ потеряет для него свою привлекательность, а этические установки сохранятся в качестве самостоятельных понятий. «Здесь вся моральная сторона человека <...> Любовь к правде, великодушие, сострадательность, бескорыстие, равно как ненависть ко всему противоположному, развиваются <...> частым повторением в сознании страстных представлений» [Сеченов, 2022, с. 112].

В завершение разговора о страстях Сеченов уделяет отдельное внимание такому явлению, как любовь мужчины к женщине. Так, инстинктивная сторона этого феномена у мальчика представлена половым стремлением. В сознании формируется некий идеал, черты которого в дальнейшем отыскиваются в реальности. Начиная от темных и неопределенных половых стремлений, юноша приходит к ясному чувству любви. С развитием последнего юноша перестает быть эгоистом (в обыденном смысле): это выражается в том, что он любит свои наслаждения и готов ради них даже на «самопожертвования». Сеченов подчеркивает, что страсть поддерживается изменчивостью образа, однако таким переменам есть предел. Как следствие, страсть проходит, но чувство любви не уничтожается вместе с ним, а перерастает в «любовь по привычке», или «дружбу». Эти мысли перекликаются с тем, что излагал Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии» и иллюстрировал в романе «Что делать?».

Как пишет Сеченов, мысль представляет собой «психический рефлекс без конца» [Сеченов, 2022, с. 115]. Заметим, что именно незавершенный рефлекс, возникший вследствие центрального торможения, явился одним из факторов, благодаря которым человеку открылось мышление. Речевой аппарат человека оказался удачно устроен, чтобы предоставить возможность передавать (выражать) мысли. А мозг оказался достаточно сложно организован, чтобы человек смог воспринимать речь в качестве мыслей, а свои и чужие мысли — как причины поступков (хотя это обстоятельство и привело к самообману, о котором ранее шла речь). Итак, *задерживание рефлексов, способность говорить и высокая организация нервной системы стали условиями мышления.*

Говоря о *желании и поступке*, Сеченов пишет, что желание обнаруживается в момент задерживания страстного рефлекса. Кроме того, оно является страстным аспектом мысли. Наряду с желанием в психической жизни человека имеет место *хотение*. Последнее представляет собой «почти бесстрастный психический рефлекс» [Сеченов, 2022, с. 117], желание же целиком относится к сфере страстей. Но хотение в качестве мотива поступка может оказаться сильнее, чем желание. Исходя из ранее высказанных положений, можно заключить, что это невозможно, так как более страстный рефлекс должен всегда

перевешивать. Однако Сеченов объясняет это тем, что хотение все же не совершенно бесстрастно. Иными словами, победа хотения над желанием не выходит за рамки рефлекторной схемы, а целиком согласуется с ней. Трудность составляют только те случаи, в которых отыскать причину хотения не получается. Психическая жизнь человека слишком сложна, чтобы без проблем обнаруживать первый толчок для каждого поступка. А когда человек пытается доказать, что у него все же есть свобода воли (т. е. способность к полной произвольности действий), то и в самом акте доказательства свободы не обнаруживается, а только закономерность. Тем не менее защитник вульгарной свободы воли еще больше убеждается в своей правоте, т. е. подвергся *обману самосознания*.

Соответственно, при прочих равных условиях из одного возбудителя необходимо происходит одна мысль и одно действие (или угнетение движения, если это закономерно в конкретном случае). Человек не выбирает между «возможными» концами рефлекса, а необходимо совершает тот, который необходимым образом следует из своих причин. Другими словами, абсолютной свободы воли нет, а *«первая причина всякого человеческого действия лежит вне его»* [Сеченов, 2022, с. 121].

Сеченов упрекает себя за пробелы, высказывая следующее соображение. В «Рефлексах» не затрагивались темы индивидуальных отличий нервной системы каждого человека, так как 1) проследить зависимость между индивидуальными склонностями и общечеловеческими чертами не представлялось возможным и 2) индивидуальные особенности играют незначительную роль на фоне внешних влияний на человека, среди которых и воспитание. Эти слова звучат, как контраргумент на утверждение Юркевича, что физиология не может изучать психические явления на том лишь основании, что каждый индивид не похож на другого.

Заключение

В завершение «Рефлексов» Сеченов пишет, что бесчувствие к внешним раздражениям и уничтожение психической деятельности совпадают между собой. Иными словами, ощущение объективной действительности, представленной ближайшими к субъекту предметами и явлениями, есть необходимое условие возникновения и поддержания существования разума, сознания, психики. Жизнь и восприятие внешнего мира тождественны. Стало быть, бесчувствие и смерть тоже тождественны: «Одним словом, человек мертвотаснувший и лишившийся чувствующих нервов продолжал бы спать мертвым сном до смерти» [Сеченов, 2022, с. 124]. Соответственно, разум вне материи невозможен.

Таким образом, Сеченов научно обосновал ключевые идеи Чернышевского, которые лежат в основе философской системы антропологического

материализма. Вместе с тем Сеченов выступил в защиту идей Чернышевского от критики со стороны Юркевича, обосновав с позиций современной ему науки, что психология и физиология не только могут рассматривать один предмет и использовать при этом сходные методы исследования, но они должны это делать, чтобы развивать научное понимание природы человека и его психики.

Список источников

1. Будилова Е. А. И. М. Сеченов и Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980. С. 236–242.
2. Капустина Д. М. И. М. Сеченов о физиологических основах происхождения психических явлений: методологический аспект // Философское образование. 2015. № 1 (31). С. 30–37.
3. Коштыянец Х. С. Сеченов — основоположник научного изучения психических явлений // Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 5–29.
4. Миронов Д. А. Этико-антропологические воззрения И. М. Сеченова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 49. С. 132–136.
5. Шатерникова М. Н. И. М. Сеченов // Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М.: Ленанд, 2022. С. 5–24.
6. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М.: Ленанд, 2022. С. 25–124.
7. Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе // Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе: очерки по философии и богословию. М.: Либроком, 2015. С. 3–91.
8. Волк С. С., Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. 152 с.
9. Добролюбов Н. А. Об истинности понятий или достоверности человеческих знания // Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 272–276.
10. Добролюбов Н. А. Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью // Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 228–262.
11. Добролюбов Н. А. Основания опытной психологии // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 494–498.
12. Добролюбов Н. А. Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 479–486.
13. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении // Собр. соч. Т. 1. М.: Канон+, 2019. С. 23–353.
14. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021. С. 16–85.
15. Ильенков Э. В. Идеальное // Собр. соч. Т. 6. М.: Канон+, 2022. С. 68–93.
16. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021. С. 385–426.

17. История философии в СССР. В 5 т. Т. 3. / под ред. В. Е. Евграфова. М.: Наука, 1968. 672 с.
18. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
19. Лавров П. Л. Очерки вопросов практической философии // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965. С. 339–461.
20. Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 151 с.
21. Сеченов И. М. Кому и как разрабатывать психологию? // Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. С. 172–267.
22. Сеченов И. М. Учение о не свободе воли с практической стороны // Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. С. 427–447.
23. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М.: Наука, 1975. 320 с.
24. Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–405.
25. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н. Г. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. С. 146–229.
26. Чернышевский Н. Г. Что делать? М.: АСТ, 2017. 480 с.

References

1. Budilova, E. A. (1980). I. M. Sechenov and N.G. Chernyshevsky. In: *N. G. Chernyshevsky and modernity* (pp. 236–242). Moscow: Nauka. (In Russian).
2. Kapustina, D. M. (2015). I. M. Sechenov on the physiological basis of the origin of mental phenomena: methodological aspect]. *Philosophy education*, 1 (31), 30–37. (In Russian).
3. Koshtoyants, H. S. (1942). Sechenov — the founder of the scientific study of mental phenomena. In: Sechenov, I. M. *Reflexes of the Brain* (pp. 5–29). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).
4. Mironov, D. A. (2008). Ethical and anthropological views of I. M. Sechenov. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 49, 132–136. (In Russian).
5. Shaternikova, M. N. (2022). I. M. Sechenov. In: Sechenov I. M. *Reflexes of the Brain* (pp. 5–24). Moscow: Lenand. (In Russian).
6. Sechenov, I. M. (2022). Reflexes of the Brain. In: Sechenov I. M. *Reflexes of the Brain* (pp. 25–124). Moscow: Lenand. (In Russian).
7. Yurkiewicz, P. D. (2015). From the science of the human spirit. In: Yurkiewicz P. D. *From the Science of Human Spirit: Essays on Philosophy and Theology* (pp. 3–91). Moscow: Librokom. (In Russian).
8. Volk, S. S., & Nikonenko V. S. (1979). *Materialism of N. G. Chernyshevsky*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 152 p. (In Russian).
9. Dobrolyubov, N. A. (1948). On the truth of concepts or the validity of human knowledge. In: Dobrolyubov, N. A. *Selected philosophical works. In 2 vol. Vol. 1* (pp. 272–276). Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).
10. Dobrolyubov, N. A. (1948). Organic development of man in relation to his mental and moral activities. In: Dobrolyubov, N. A. *Selected philosophical works. In 2 vol. Vol. 1* (pp. 228–262). Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).

11. Dobrolyubov, N. A. (1952). Foundations of Experiential Psychology. In: Dobrolyubov, N. A. *Collected Works. In 3 vol. Vol. 2* (pp. 494–498). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).
12. Dobrolyubov, N. A. (1950). A physiological-psychological comparative view of the beginning and end of life. In: Dobrolyubov, N. A. *Collected Works. In 3 vol. Vol. 1* (pp. 479–486). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. (In Russian).
13. Ilyenkov, E. V. (2019). Dialectics of abstract and concrete in scientific-theoretical thinking. *Collected Works. Vol. 1* (pp. 23–353). Moscow: Kanon+. (In Russian).
14. Ilyenkov, E. V. (2021). Dialectics of the ideal. *Collected Works. Vol. 5* (pp. 16–85). Moscow: Kanon+. (In Russian).
15. Ilyenkov, E. V. (2022). Ideal. *Collected Works. Vol. 6* (pp. 68–93). Moscow: Kanon+. (In Russian).
16. Ilyenkov, E. V. (2021). What is personality? *Collected Works. Vol. 5* (pp. 385–426). Moscow: Kanon+. (In Russian).
17. Evgrafov, V. E. (Ed.) (1968). *History of Philosophy in the USSR. In 5 vol. Vol. 3*. Moscow: Nauka. 672 p. (In Russian).
18. Kantor, V. K. (2016). “*The Cut Tree of Life*”. *The Fate of Nikolai Chernyshevsky*. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ. 528 p.
19. Lavrov, P. L. (1965). Essays on Questions of Practical Philosophy. In: Lavrov, P. L. *Philosophy and Sociology. Selected Works. In 2 vol. Vol. 1* (pp. 339–461). Moscow: Mysl'. (In Russian).
20. Nikonenko, V. S. (1983). *Materialism of N. G. Chernyshevsky, N. A. Dobrolyubov, D. I. Pisarev*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. 151 p. (In Russian).
21. Sechenov, I. M. (1952). Who should develop psychology and how? In: Sechenov, I. M. *Selected Works. Vol. 1* (pp. 172–267). Moscow: AN SSSR. (In Russian).
22. Sechenov, I. M. (1952). The doctrine of non-freedom of the will from a practical point of view. In: Sechenov, I. M. *Selected Works. Vol. 1* (pp. 427–447). Moscow: AN SSSR. (In Russian).
23. Utkina, N. F. (1975). *Positivism, anthropological materialism and science in Russia*. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russian).
24. Feuerbach, L. (1955). The Essence of Christianity. In: Feuerbach, L. *Selected philosophical works. In 2 vol. Vol. 2* (pp. 7–405). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
25. Chernyshevsky, N. G. (1987). The Anthropological Principle in Philosophy. In: Chernyshevsky, N. G. *Works. In 2 vol. Vol. 2* (pp. 146–229). Moscow: Mysl'. (In Russian).
26. Chernyshevsky, N. G. (2017). *What Is To Be Done?* Moscow: AST. 480 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Черных Андрей Андреевич — ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

Chernykh Andrey Andreevich — Assistant Professor, Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

deusdrus@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>